

Москва в жизни болгарского публициста Райко Жинзифова

Москва, сердце России, была знаменита не только своими древностями, Кремлем, церквями, театрами, дворянскими усадьбами, купеческими предприятиями, но и Московским университетом, основанным в 1755 г. Реорганизация всей системы образования в России, проведенная Николаем I в 1830-х годах, сопровождалась значительным увеличением финансирования, благодаря чему основывались библиотеки, приобреталось необходимое оборудование, создавались лаборатории, музеи, обсерватория, совершенствовалась издательская деятельность, выросло жалование учителей, преподавателей (профессорско-преподавательского состава университетов — в два с половиной раза), академиков. Эти меры были нацелены на повышение престижа этих профессий, рост уровня преподавания, привлечение новых кадров. Московский университет в эти годы становится настоящим центром научной, общественной и культурной жизни города. Своим воспитанникам Московский университет, помимо значительного багажа знаний, дарил незабываемые впечатления от обучения в удивительной атмосфере, создаваемой профессурой и студенческой средой. Годы, проведенные в его стенах, оставляли неизгладимый след в жизни тех, кому посчастливилось получать здесь образование.

В XIX веке слава Московского университета притягивала и славянскую молодежь из Османской империи. К тому же на историко-филологическом факультете в 1835 г. появилась кафедра истории и литературы славянских наречий, которую по возвращении из зарубежной командировки (в 1842 г.) занял ревностный почитатель, знаток и пропагандист славяноведения О.М. Бодянский.

Первым болгаринцем, приехавшим в Москву с Балканского полуострова, был Георгий Илиев Бусилин (1820–1845), уро-

женец города Калофера. В 1841 г., после окончания афинской гимназии, он выбрал для продолжения образования именно историко-филологический факультет Московского университета. Молодого человека, который являлся казенным стипендиатом, взял под свою опеку профессор университета М.П. Погодин. Он не только поселил Бусилина в своем доме, но и предоставил ему возможность подработать, разбирая архив известного историка Ю.И. Венелина (1802–1839)¹. В свое время Погодин покровительствовал Венелину и после его смерти способствовал публикации его работ, будучи секретарем (в 1836–1845 гг.) Общества истории и древностей российских, в 1840-е годы превратившегося в крупный центр славистических исследований. Вероятно, не случайно, что и Бусилин, еще в Афинах являясь членом «Славяно-болгарского ученолюбивого общества», в годы учебы в Московском университете был полон дум и забот о просвещении своего народа. Именно здесь он написал «Болгарский букварь», который в 1844 г. был издан в университетской типографии на средства проживавшего в Москве болгарина-купца из Русе А.Н. Хаджоглу — «для раздачи в дар учащимся юношам».

В 40–50-е годы XIX в. в Московском университете училось немного болгар. Среди них — уроженец г. Елены Н.С. Михайловский (брат известного деятеля Болгарского возрождения Иллариона Макариопольского), И. Шопов из Калофера, Н. Катранов из Свиштова, С. Филаретов из Жеравны, С.Н. Палаузов. И это понятно, поскольку в университете было выделено всего одно место казеннокоштного студента (сначала его занимал Бусилин, затем Шопов), а также имелась стипендия московского купца второй гильдии болгарина И.Н. Денкоглу, который в 1844 г. пожертвовал Московскому университету сумму в 4235 руб. 11 коп. с тем, чтобы на проценты с нее обучался один болгарский студент (в разные годы это были Михайловский, Филаретов, Катранов)².

После поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. одной из мер в устранении его негативных последствий (из-за которого Россия ставилась в один ряд с европейскими странами в плане покровительства христианам Османской империи, что

неминуемо должно было минимизировать ее традиционное влияние на балканских славян) являлось увеличение числа стипендий для славянской молодежи в учебных заведениях России. Было выделено 10 казенных стипендий в военно-учебных заведениях, 75 стипендий в духовных семинариях и академиях (с 1856 г.); начиная с 1860 г. министерству народного просвещения ежегодно ассигновывалось 5000 руб. сер. для образования в русских гимназиях и университетах славян из Османской империи³. Славянский благотворительный комитет, образованный в Москве в 1858 г., также имел значительное число своих стипендиатов. Принято считать, что до 1878 г. в России получили образование около 700 болгар⁴.

После 1856 г. в Москву на учебу устремились многие болгары, ставшие впоследствии видными деятелями Болгарского возрождения, а также представителями культуры, науки, образования и политики Болгарского княжества: братья Любен и Петко Каравеловы, Марин Дринов, Нешо Бончев, Васил Попович, Христо Стоянов и др. Среди этой плеяды имен ярко горит звезда Райко Жинзифова, поэта, переводчика, писателя, публициста.

Его жизненный путь и творческая деятельность достаточно хорошо изучены благодаря исследованиям болгарских, македонских и российских ученых — С.С. Бобчева, П. Орешкова, И. Конева, Д. Лекова, Л. Минковой, Ф. Милошевски, Б. Конески, Г. Тодоровски, Л.С. Ерихонова, А.А. Улуныяна, М.Г. Смольяниновой, М.Л. Бершадской, М.Б. Проскурниной и др. И тем не менее архивные находки, новые публикации источников и внимательный анализ уже известных документальных материалов позволяют осветить новые грани в биографии Жинзифова.

Райко Жинзифов родился в 1839 г. в г. Велесе (Македония), в семье учителя Ивана Жинзифа (Дзиндзифи)⁵, который, будучи почитателем эллинской культуры, прекрасно владел греческим языком и знал греческую литературу. Не случайно поэтому и его сын получил образование на греческом языке⁶, закончив греческое училище. Имя его тоже было вполне греческим — Ксенофонт. Молодой человек желал продолжить свое образование, но домашние обстоятельства не позволили ему

поступить в Афинский университет, где обучалось большинство его сверстников из Македонии. Ему пришлось идти работать, так как его отец, «принужденный бросить свое семейство», вспоминал впоследствии Жинзифов, оставил его «без куска хлеба», и забота о матери, младших сестре и брате легла на плечи практически мальчика⁷. В 1855 г., в свои неполные 16 лет, Ксенофонт нашел место младшего преподавателя в училище в Прилепе, где старшим учителем был «горячий защитник славянства»⁸ Димитр Миладинов*. Именно он «отвратил» одаренного юношу от эллинофильства, раскрыл красоту болгарских песен и привлек его к их собиранию. Именно Миладинов стал звать Ксенофонта болгарским именем Райко⁹.

В конце 1857 г. Миладинов отправил своего молодого коллегу учительствовать в город Кукуш. Об этом времени Жинзифов сообщал в своей биографии, при этом о себе он писал в третьем лице: «С переездом его в этот небольшой городок, населенный исключительно болгарами, в нем впервые был введен болгарский язык и болгарская грамота; до этого времени как в церкви, так и в училище господствовал исключительно один греческий язык, хотя преподаватели были природные болгары. У Жинзифова стали учиться болгарскому языку не только мальчики, но и взрослые — юноши, люди женатые и даже священники, ибо в церквях надлежало заменить греческое богослужение славянским»¹⁰. Данный пассаж наглядно демонстрирует состояние национального просвещения в южной Македонии в 50-е годы XIX в. и рвение молодого учителя.

В июле 1858 г., при содействии русского общественного деятеля А.В. Рачинского (впоследствии, в 1861–1862 гг., русский консул в Варне), Димитр Миладинов направил на учебу в Россию восемь болгаро-македонцев, в числе которых был и Жинзифов. Прибыв в Одессу, он разыскал Г.С. Раковского (1821–1867), который в то время работал воспитателем болгарских учащихся в херсонской семинарии, и передал ему письма Миладинова. Раковский произвел на молодого человека столь

* Димитр (около 1810–1862) и Константин (около 1830–1862) Миладиновы — братья, деятели болгарского национального Возрождения, фольклористы и просветители в Македонии.

огромное впечатление, что Ксенофонт наконец-то решил сменить свое греческое имя на болгарское Райко, — именно так, как упоминалось выше, к нему обращался Д. Миладинов¹¹. Правда, официальные бумаги, публикации в русских газетах, свои письма к русским адресатам Жинзифов всё же подписывал не Райко, а Ксенофонт, и в Москве к нему обращались — Ксенофонт Иванович. Но для болгар он был Райко.

Жинзифов был принят в херсонскую семинарию. Однако младший брат Д. Миладинова, Константин, учившийся на историко-филологическом факультете Московского университета, вызвал Ксенофонта-Райко в Москву. В конце 1858 г. он стал стипендиатом Славянского благотворительного комитета, а в 1860 г., сдав экзамены, поступил в Московский университет. Как и все «питомцы» Славянского комитета, Жинзифов получал стипендию в 20 руб. сер. ежемесячно. Для русского студента это была приличная сумма, но болгарину, которого московский климат заставлял тратиться на теплую одежду и иметь другие дополнительные расходы, этих денег было недостаточно. Без сомнения, нужды славянских учащихся московские благотворители хорошо знали, старались не отказывать им в помощи, но финансовое положение Комитета в первые годы его существования было тяжелым, так как его капитал собирался из частных пожертвований, которые поступали весьма нерегулярно и в недостаточном объеме¹². К тому же не следует забывать, что в пореформенные годы доходы помещиков, которые составляли большую часть членов Комитета, значительно сократились. И.С. Аксаков, секретарь и казначей правления Комитета, в июле 1861 г. писал: «Денег нет ни у кого. Дороговизна такая, какой в Европе нигде нет»¹³. Соглашаясь принять в число воспитанников Комитета, по ходатайству сербского митрополита Михаила, Васу Пелагича (1838—1899), в будущем известного деятеля национально-освободительного движения Сербии, Боснии и Герцеговины, Аксаков предупреждал о скромном размере пособия: «С этим можно, конечно, жить, но жить тесновато. Не более этого мы выдаем и болгарским студентам (о которых вообще надобно сказать, что они учатся отлично)»¹⁴. В 1862 г. от Славянского комитета на пособие

17 болгарам в Московском университете, стипендиатам министерства народного просвещения, в списке которых значилось и имя Жинзифова, выделялось 1500 руб.¹⁵.

Жинзифову-студенту катастрофически не хватало денег. Сохранилось несколько его писем от 1860 г., из которых видна беспросветная нужда его московской жизни. Через знакомого, богатого торговца Хр. Тыпчилештова (1808—1875), одного из руководителей болгарской общины в Константинополе, он пытался разыскать своего отца, который не отвечал на его письма. Помимо естественной сыновней обеспокоенности, молодой человек лелеял надежду, что отец всё же поможет ему деньгами. Хотя он всегда помнил правило, которое отец ему постоянно твердил: «Если ты умный, то ты сам себе приобретешь деньги, средства для жизни, а если ты выйдешь негодяем, то нисколько не поможет тебе твое наследство, оставленное тебе мною»¹⁶. Отчаяние из-за тяжелого материального положения прорывается в словах Ксенофонта в письме к Хр. Тыпчилештову от 12 ноября 1860 г.: «Тяжело и горько тому юноше, которому случится приехать в Москву и учиться с пустым кошельком. Поэтому я никому не советовал бы оставлять Константинопольское училище, не имея необходимых средств»¹⁷.

Славянский комитет содействовал молодым болгарам в поиске дополнительных заработков. Известно, что Жинзифов работал в Чертковской библиотеке, правда, сведение это не конкретизируется.

Нужно сказать, что после смерти историка, библиографа, собирателя уникальной коллекции книг и рукописей А.Д. Черткова (1789—1858) его сын Г.А. Чертков, «в память своего отца», решил открыть в Москве первую бесплатную библиотеку. В 1859 г. он пригласил в качестве заведующего П.И. Бартенева (1829—1912), «человека ума оригинального», «глубокого знатока русской истории и литературы XVIII—XIX вв., истинного труженика на пользу изучения родной старины»¹⁸. Пока строилось для библиотеки великолепное здание в два этажа на ул. Мясницкой, Бартеневу предстояло разобрать книги, рукописи и карты, составить и издать полный каталог, который, по его мнению, «должен был сделаться одним из существенных

приобретений русских ученых литератур»¹⁹. Но дело это было весьма нелегкое, требовавшее много времени и сил. Не случайно поэтому, что когда в начале 1863 г. Чертковская библиотека распахнула двери своим читателям, ее полный каталог всё еще не был напечатан.

С 1858 г. Бартенев являлся членом Славянского комитета, в 1862 г. он вошел в комиссию, которой было поручено ведать делами болгарских студентов — воспитанников Комитета. Советский филолог Л.С. Ерихонов, обнаруживший письма Жинзифова в архиве П.И. Бартенева, полагал, что их знакомство состоялось в конце 1860 г. или начале 1861 г., поскольку первое письмо болгарского студента датируется 11 февраля 1861 г. А в нем Жинзифов отметил, что он уже два раза «имел счастье» быть в доме библиографа²⁰. На наш взгляд, их первая встреча могла произойти и раньше, а рождение теплых отношений действительно нужно относить ко времени, которое указал Ерихонов. И то, что в своем первом письме к Бартеневу Жинзифов просил, чтобы при случае Петр Иванович или И.С. Аксаков рекомендовали его учителем древнегреческого или новогреческого языков в какую-нибудь «фамилию» греческую или русскую²¹, свидетельствует в пользу нашего предположения: малознакомого человека не станут направлять домашним учителем в приличную семью.

Бартенев предложил Жинзифову потрудиться в Чертковской библиотеке летом 1862 г. во время его отсутствия (Бартенев вместе с семьей намеревался уехать на несколько месяцев из Москвы). Ксенофонт «чрезвычайно обрадовался» возможности заработать. В восьми письмах (с 29 июня по 2 сентября 1862 г.), адресованных Бартеневу, он отчитывался о своей деятельности в библиотеке: в ней он находился с 8 час. до 14 час., затем уходил, предварительно закрыв окна и двери, и возвращался в 16 час. Молодой человек следил за порядком, а также занимался разными хозяйственными делами: принимал книги от переплетчиков, общался со столярами, которым заказывали столы и шкафы для библиотеки, заплатил 30 руб. сер. за доставленную в библиотеку пожарную трубу. Ее установили «в нужном месте», наполнив водой на случай пожара; но,

к счастью, в то лето ничего не горело в прилежавшем к дому Черткова районе Москвы. В конце августа от князя А.Н. Голицына, зятя А.Д. Черткова, привезли несколько десятков ящиков с книгами — великолепную библиотеку, собранную «с необыкновенной тщательностью» под руководством А.Д. Черткова²². Но Жинзифов не знал, где и как разместить щедрый дар князя.

Любопытно, что в этом «дворце Креза» (так болгарский студент называл роскошный особняк Черткова) он рассуждал о пользе книг и науки «при настоящих нравах наших или ваших, при настоящих условиях городской жизни». Надо сказать, что летом 1862 г. после обеда молодой человек отправлялся на прогулку с намерением изучать «цивилизацию» XIX века и «прогресс» женщин, которых порицал за пошлые наряды и курение. Он остро чувствовал социальное неравенство, поскольку сам был беден и много страдал от этого, поэтому, вероятно, в письмах к Бартеневу попытался обосновать свой взгляд на бесполезность науки, которая «ничего не сделала для человека», «не принесла существенной пользы, назначение которой (науки) преследовать зло, искоренять его, а этого она не достигла». «Она сделала успех чисто внешний, чисто материальный, и этим она содействует падению духовного начала»; «...на практике я не вижу, что наука вывела народы из грязи», — приходил к заключению Жинзифов. «Что мне за дело, что я окружён теперь 20000 томов книг, когда тюрьмы битком набиты за преступления всевозможных подразделений», «когда существуют Сибирь, каторжные дома и прочее?»²³. Впрочем, подобные мысли отступали, когда по пятницам болгарский студент шел в гости к И.С. Аксакову, где он «как будто совершенно» перерождался. «И как я благодарю Бога, что в этом многолюдном городе я знаком с двумя семействами (то есть Ваше и Аксаковых), которые принимают меня с радушием; и как легко мне, как весело тогда»²⁴, — писал Жинзифов 3 июля 1862 г. Бартеневу. Следует также подчеркнуть, что несмотря на возникший пессимистический взгляд на книги вообще, для Жинзифова была «убийственна» мысль, что «мы (болгары) не имеем литературы», поэтому за лето он «состряпал» книжку, которую хотел издать²⁵.

Петр Иванович помог Ксенофону улучшить жилищные условия. Он жил в такой сырой комнате (которую называл «казармой»), что даже спички отсыревали, а диван начал портиться, и сам он чувствовал, как «сырость тянула» с его «здоровья, и так уже расстроенного, несмотря на то, что тело» его «с малолетства привыкло черстветь». Юноша «перебрался наверх» (правда, непонятно, куда именно переехал), и ему «стало лучше и легче», отступила головная боль²⁶.

В конце августа Бартенев пригласил Жинзифова занять место помощника библиотекаря в Чертковской библиотеке с жалованием в 20 руб. в месяц. Но он, поблагодарив Петра Ивановича за его участие и любовь, отказался от привлекательного предложения из-за учебы в Московском университете: «лекции так распределены, что приходится посещать университет ежедневно, по крайней мере, по два часа в день»²⁷.

В архивном фонде Черткова, хранящемся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, нами была обнаружена приходо-расходная книга Чертковской библиотеки, которую Бартенев скрупулезно вел с 15 мая 1862 г. и до 1873 г., когда библиотека была передана в дар Москве. Согласно записям, Жинзифов действительно получал жалование в течение двух месяцев — в июле и августе 1862 г. Причем, Бартенев оставил ему 100 рублей, чтобы заплатить жалование за два месяца ему и двум солдатам. Последним полагалось 56 руб., следовательно, оставшиеся 44 руб. предназначались самому Жинзифову. В том же 1862 г. за сентябрь и октябрь имелись записи о возврате им денег за проданную бумагу. Таким образом, Ксенофонт в последующие годы в Чертковской библиотеке не работал, поскольку жалование не получал.

Хотя Жинзифов не состоял в штате библиотеки после 1862 г., имеется достаточно фактов, свидетельствующих о том, что он принимал самое живое участие в ее деятельности и впоследствии. Так, например, обнаруженная нами записка без даты («среда, 12 час. утра»), которая осталась неизвестной болгарским исследователям, по крупицам собиравшим эпистолярное наследие Жинзифова, сообщает, что он во время отсутствия Бартенева наблюдал за порядком в библиотеке.

Жинзифов писал Бартеневу: «В библиотеке всё благополучно. Для успокоения своей совести вчера, т.е. во вторник, заходил в библиотеку посмотреть на солдат, как они ведут себя в масляные* дни, и нашел их в исправности. В настоящую минуту занимающихся 5 человек, в числе их Безсонов**. Часов в 10^{ть} приходил воронежский книготорговец Лашкин и подписался на «Архив»*** с уступкою 10%»²⁸. Этот документ мы датируем 1863 г. или после, когда уже функционировала Чертковская библиотека.

В коллекции книг на новоболгарском языке, которую собрал сам А.Д. Чертков, насчитывалось примерно 30 названий²⁹. И после его кончины Бартенев много внимания уделял пополнению болгарского раздела библиотеки. Он также интересовался болгарскими делами и был в добрых отношениях с болгарскими, обучавшимися в Москве. Известно, что болгарский выпускник Московского университета Сава Филаретов (1825–1863) снабжал библиотеку болгарскими изданиями³⁰. С 1862 г. Филаретов состоял на русской службе, являясь секретарем русской миссии в Константинополе. Бартенев обратился к нему с приглашением «быть посредником между Вами и болгарскими издателями книг и журналов и стараться, насколько возможно, своевременно доставлять сведения о книгопечатании у болгар». Филаретов на первый случай собрал все болгарские книги, находившиеся у него под рукой, и переписал их заглавия. В составлении каталога принял участие и болгарский общественный и политический деятель Найдено Геров (1823–1900), который, будучи русским подданным, в 1861–1877 гг. являлся вице-консулом России в Филиппополе (Пловдиве), а как раз в то время гостил в Константинополе. Он также с охотой обещал содействовать, чем только сможет. У Герова был сложный почерк, который хорошо разбирал Жинзифов, т.е. именно

* Масляные дни: имеется в виду масленица — традиционный праздник, отмечаемый в течение недели перед Великим постом.

** П.А. Бессонов (1828–1898) — фольклорист, этнограф, историк литературы, издатель и собиратель народных песен. В 1855 г. издал наиболее полный сборник народных болгарских песен «Болгарские песни из сборника Ю.И. Венелина, Н.Д. Катранова и других болгар». Вып. 1–2. М., 1855.

*** «Русский архив» — журнал, который издавал П.И. Бартенев с 1863 г., используя, в первую очередь, богатую коллекцию рукописей Чертковской библиотеки.

он помогал Бартеневу при работе над составленным в столице Османской империи каталогом болгарских книг.

Одним из сокровищ Чертковской библиотеки стал список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского, снятый специально для А.Д. Черткова в 1844 г. по указанию одесского историка Н.Н. Мурзакевича с Жеравнинской рукописи, которую предоставил известный деятель болгарского Возрождения В. Априлов. Любопытно, что этот список, названный в литературе Чертковским или Московским, был обнаружен в 1960 г. молодым тогда филологом Г.К. Венедиктовым, впоследствии известным российским лингвистом, в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея, куда была передана коллекция рукописей из Чертковской библиотеки.

А в начале 1860-х годов при составлении нового каталога Бартенев сверял наличие книг и рукописей в библиотеке по двум печатным каталогам — 1838 и 1845 гг., а также по записям Черткова о новых поступлениях, сделанным им на белых листах, которые были специально вплетены в особый экземпляр каталога библиотеки, вышедший в 1845 г. Этот ценный документ — «Всеобщая библиотека России. Второе прибавление» — сохранился в Отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России. Между страницами 430 и 431 Чертков чернилами сам записал полууставом полное название «Истории славяноболгарской». Бартенев при разборе книг и рукописей против этих слов пометил карандашом «есть». Следует сказать, что VI отделение каталога Чертковской библиотеки, куда должны были войти все издания на славянских языках, так и не было напечатано.

Жинзифов, который иногда помогал Бартеневу, не только знал о существовании списка «Истории славяноболгарской», но и познакомился с ее содержанием. Примечательно, что в изданной им книге «Новобългарска сбирка» («Новоболгарский сборник») (М., 1863) в качестве эпиграфа появились знаменитые слова Паисия Хилендарского: «О неразумный и юродивый! Почто стыдишься назваться болгариним и не читаеш на своем языке и не думаеш?.. Ты, болгарин, не прельщайся чужим, знай свой род и язык и учись на своем языке»³¹.

В 1857 г. болгары, воспитанники Московского университета, образовали Московскую болгарскую дружину, поставившую целью знакомить русских с жизнью турецких славян, содействовать развитию болгарской литературы, призывать болгарскую молодежь в Россию для совершенствования в науках³². Первые литературные опыты Жинзифова появились на страницах издаваемого дружиной журнала «Братский труд». За недолгий период его существования (1859—1862 гг.) вышло четыре номера. Именно к Бартеневу 17 января 1861 г. обратился попечитель Московского учебного округа генерал-адъютант Н.В. Исаков, к которому в свою очередь адресовался директор Азиатского департамента министерства иностранных дел Н.П. Игнатъев (1861—1864 гг.) с просьбой прислать в департамент 10 экземпляров журнала «Братский труд». 10 мая Бартенев получил за доставленные журналы 10 руб. сер., чтобы затем выдать их Жинзифову как одному из авторов³³.

Бартенев и в дальнейшем принимал самое живое участие в судьбе Жинзифова. В октябре 1862 г. он рекомендовал его учителем в семью некоего Вальдгарда, с тремя детьми которого следовало заниматься по шесть часов. Жинзифов просил отца семейства оставить ему свободными «часть вечеров пятниц и воскресень», а также «четыре часа ежедневно — посещать университет да ещё раз или два раза в месяц побывать в театре». Из этого же письма мы узнаем предпочтения воспитанника Славянского комитета — он посещал русский театр, а об итальянской опере не имел понятия³⁴. Вероятно, не без участия Бартенева Жинзифова приглашали быть домашним учителем детей Барановых (лето 1863 г., село Васильевское) и А.Н. Карамзина (в 1865 г.). Каждый раз Жинзифов просил Петра Ивановича «каким-нибудь особенным или косвенным образом» узнать о нем мнения господ, довольны ли они своим учителем³⁵.

Сам Жинзифов, хоть и жаловался на однообразие деревенской жизни, но всякий раз подчеркивал, что ему везло на господ. Так, Барановы, «люди добрые и прекрасные», старались как можно больше доставить ему удовольствия³⁶. К тому же плата за уроки была высокой, что позволило ему издать упоминающуюся выше книгу «Новобългарска сбирка»³⁷. О жизни в

имении Карамзиных в с. Рогожка он сообщал следующее: «Мне здесь хорошо и привольно, так что мои господа люди прекрасные, люди добрейшие, словом, люди, каких я мало встречал в моей жизни. Они меня полюбили, и я при них не стесняюсь решительно ни в чём. Всё, чего я пожелаю, всё мне в ту же минуту доставляется, например, мне захотелось пить молоко, и вот я ежедневно пользуюсь им, чуть ли не купаюсь в нём»³⁸. Но Жинзифову было скучно и одиноко в деревне, он хандрил и тосковал, а ученики чаще всего не радовали его своими способностями и усердием.

О сердечности в отношениях, установившихся между К. Жинзифовым и П.И. Бартеневым, свидетельствует и тот факт, что в доме Петра Ивановича его «принимали не как знакомого, а как близкого родственника». И.С. Аксаков как-то отметил, что Жинзифов являлся скорее «воспитанником» Бартенева. Сам Ксенофонт просил последнего быть его «воспитателем», «наставником». «Представьте себе, что у Вас есть племянник, который нуждается в Ваших советах и наставлениях. Ведь Вам известно, что у нас существуют особенные отношения младшего к старшему, сына к отцу, племянника к дяде и так далее»³⁹, — обращался Ксенофонт к Петру Ивановичу в письме от 25 января 1863 г. Искреннее уважение болгарина к Бартеневым проявляется и в том, что он посвятил свои стихотворения «Разговор съ слънцето» («Разговор с солнцем») и «На младенецът А...» («Младенцу А...»)⁴⁰ соответственно Софье Даниловне, супруге Петра Ивановича, и их первенцу — сыну Алеше. Готовя к публикации в газете «День» статью о Миладиновых, Жинзифов просил позволения у Бартенева напечатать ее в виде письма к нему, то есть после заглавия указать «Письмо к Петру Ивановичу Бартеневу»⁴¹. Вероятно, последний посчитал подобное посвящение нескромным, поэтому статья появилась в виде письма к русскому другу.

В письмах к Бартеневу молодой человек делился своими мыслями, наблюдениями, переживаниями, сообщал о своих интересах. Так мы знаем, что он любил театр, что его «волнующуюся душу» смягчали музыка и живопись, что периодически он захаживал в «увеселительные места, то есть в разные Эрмитажи

с саксами, певицами, карликами и прочее, и прочее»⁴². Еще в 1865 г., в письме от 10 июня (это было последнее сохранившееся письмо в архиве Бартенева), Жинзифов выразил свои чувства к Бартеневу и его семье: «Неужели я буду в состоянии позабыть дом, в котором я провел часть своего юношества, в котором я в течение стольких лет постоянно встречал радушный и непритворный приём? Никогда. Дом Аксакова и дом Бартенева навсегда останутся в моей памяти, где бы ни повела меня моя судьба»⁴³.

Однако в дальнейшем их взаимоотношения по неизвестным нам причинам испортились*, о чем мы узнаем из письма Райко от 30 мая 1869 г. к своему душевному приятелю М. Дринову, который в то время находился за границей вместе с семьей княгини Е.А. Голицыной в качестве домашнего учителя. В 1869 г. М. Дринов издал в Вене две научные работы: «Исторически преглед на Българската църква от самото ѝ начало и до днес» («Историческое обозрение болгарской церкви с самого ее начала и до сегодняшнего дня») и «Поглед върху произходането на българския народ и началото на българската история» («Взгляд на происхождение болгарского народа и начало болгарской истории»). Жинзифов крайне сожалел, что еще не видел этих книг, просил прислать их для него в Москву, на адрес профессора университета Н.А. Попова. Любопытно, что Жинзифов отговаривал Дринова посылать книги в Македонию в качестве дара. «Кто желает просветиться в каком-либо отношении, — писал он, — тот должен купить то, что ему требуется. Пропаганда, которая не окупает издержки, не достигает своей цели». В этом же письме Жинзифов сообщил о том, что он давно разошелся с Бартеневым, и поэтому просил своего приятеля «никогда ничего ему не присылать»⁴⁴. И действительно, указанные труды Дринова не числятся в каталоге Чертковской библиотеки⁴⁵. Таким образом, личная неприязнь пагубно отразилась на полноте болгарской коллекции библиотеки, которая в 1860-е годы была единственной доступной для широкой чи-

* Начало этой размолвки, вероятно, можно увидеть в следующих словах Жинзифова, адресованных Софье Даниловне: «В последнее время, когда Вас уже не было в Москве, Ваш Петр Иванович так распекал меня, так распекал, что если бы я мог подумать, что это он делает не из любви ко мне, то я принужден бы был полагать, что он начинает разлюбливать меня...» (Цит. по: *Ерихонов Л. С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенов. С. 190.*)

тающей публики, поскольку была бесплатной. Как известно, фондами библиотеки Московского университета могли пользоваться только его преподаватели и студенты.

Во время учебы Жинзифов подрабатывал в еженедельной газете И. С. Аксакова «День», которая выходила с небольшими приостановками с 15 октября 1861 г. по 1865 г. включительно. В газете был специальный «Славянский отдел». «Пусть каждый славянин пишет, что имеет сказать в пользу своей народности. Я даю всем им доступ в моей газете»⁴⁶, — объявлял Аксаков. Первые публицистические статьи Жинзифова [«Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору» от 28 октября 1861 г., «Несколько слов болгарина о распре греков и болгар» (№ 5), «Дмитрий и Константин Миладиновы» (№ 46. 17 ноября и № 48. 1 декабря) и др.], появившиеся на страницах «Дня», обратили на себя внимание благодаря несомненному литературному таланту автора и его горячему сердцу патриота. Аксаков, который не знал славянских языков и не мог прочесть ни одной из получаемых им славянских газет⁴⁷, пригласил Жинзифова разбирать их и вести «Славянский отдел». В это время последний проходил курс обучения у профессора О. М. Бодянского, который знакомил своих студентов со всеми славянскими наречиями⁴⁸. В архиве Бодянского, например, сохранился перевод на русский язык студентом 4-го курса Жинзифовым отрывка из «Истории славянских законодательств» польского историка В. А. Мацевского⁴⁹.

Жинзифов принял приглашение Аксакова и с 1863 г. начал достаточно регулярно работать в газете «День», тем более, что Аксаков хорошо платил за работу: за перевод больших «славянских» статей — 15 руб. сер. за печатный лист, за «составление статей», «т.е. извлечений из славянских газет, из писем и проч.» — 20 руб. сер. за лист, за «самостоятельное сочинение» — 50 руб. сер. за лист⁵⁰. Это было значительным подспорьем к ежемесячной стипендии в 20 руб. сер., получаемой Жинзифовым от Славянского комитета. Весной 1864 г. он переехал на новую квартиру, которая была расположена рядом с домом О. С. Аксаковой, матери И. С. Аксакова. Болгарского студента часто приглашали в гости, на обед и в подмосковное имение Аксаковых Абрамцево⁵¹.

В 1864 г. Жинзифов закончил курс обучения в Московском университете со степенью кандидата. Вставал вопрос о возвращении его на родину. Известный историк болгарской литературы Б. Пенев писал о том, что ему не известно, по каким причинам этого не произошло, но предположил, что, вероятно, Жинзифов «боялся преследований и опасностей»⁵². Ответ, на наш взгляд, содержится в письме от 10 июня 1864 г. к Барте-неву, в котором Жинзифов признавался, что ему «какой-то таинственный голос», «голос совести и долга», всё твердил, что «надо ехать на родину», однако он наперед знал свою «будущую жизнь в Болгарии или в Македонии, потому что болгарская земля вся черна и вся наполнена “вязкою мерзостью” — плод долговекового ига»⁵³. С другой стороны, еще в 1862 г. Жинзифов подчеркивал, что для возвращения в Турцию ему было необходимо иметь в кармане кроме денег на путевые издержки еще, по крайней мере, 200 руб. сер., пока он найдет на родине место работы или «в случае опасности (которая с каждым годом в Турции увеличивается)» «с ними мог бы бежать»⁵⁴. Вероятно, болгарский студент так и не скопил нужной суммы «на черный день», т.е. день, когда ему нужно было прощаться с Москвой и ехать в Турцию, и это также служило некоторой отговоркой для того, чтобы еще задержаться в России.

Болгарский ученый Ил. Конев отметил, что в 1864 г. и в последующие несколько лет Жинзифов получал приглашения из Белграда, Софии и других городов занять там место учителя. В этот перечень городов мы можем добавить еще г. Болград, административный центр болгарских колоний в Бессарабии, который по Парижскому мирному договору 1856 г. вошел в состав Молдавского княжества. В 1861 г. Молдавия и Валахия образовали новое государство — Румынию. Болгарское центральное училище в Болграде было создано в 1858 г. и превратилось в один из главных центров обучения болгарской молодежи до 1878 г. В 1865 г. его директор В. Берон пригласил Жинзифова занять кафедру болгарской словесности⁵⁵.

Его отказ ехать на Балканы Ил. Конев объяснял «страхом» примкнуть к революционным силам Болгарии в 1870-е годы и «работать для освобождения своего народа в исключительно

трудных условиях Турции». Этими же соображениями объясняет болгарский ученый и отклонение Жинзифовым приглашения известного купца Христо Георгиева «стать редактором органа Тайного комитета». Здесь речь идет о Добродетельной дружине, которую основали братья Христо и Евлогий Георгиевы вместе с другими богатыми болгарами, проживавшими в Валахии. В 1866–1867 гг. эта организация финансировала формирование чет Панайота Хитова и Филиппа Тотю, а также Второй болгарской легии в Белграде. Именно в противоречии между любовью к родине и «бегством» от революционного движения, от непосредственного участия в политической жизни Болгарии Конев видел трагизм судьбы Жинзифова, который предпочел действовать во имя освобождения своего народа «пером» и из Москвы⁵⁶. Болгарский ученый Д. Леков полагал, что тяжелая миссия «будителя» была ему просто не по силам⁵⁷.

В архивном фонде дипломата М.А. Хитрово, служившего в этот период в российской миссии в Константинополе, сохранилось письмо Жинзифова от 11 ноября 1865 г., в котором, в частности, содержится просьба напомнить Т. Бурмову, редактору болгарской газеты «Время», о его обещании узнать у болгарских представителей, может ли он (Жинзифов), ставший русским подданным, занять учительское место в константинопольском болгарском училище⁵⁸. Эта информация вдвойне ценна, поскольку свидетельствует о том, что Жинзифов сам искал выгодное место работы и после учебы в Москве предпочитал устроиться в столице Османской империи. Вероятно, поэтому он и отклонял иные приглашения. Но в Константинополе вакантных должностей не было. В историографии утвердилось мнение, что Жинзифов принял российское подданство только после своей двухмесячной поездки на Балканы в 1866 г.⁵⁹, когда окончательно понял, что уже не сможет жить в условиях турецкого владычества. Оказывается, это неверно.

Как указывалось выше, в 1865 г. Жинзифов тяготился деревенской жизнью, какую принужден был вести в качестве домашнего учителя Карамзиных. Душа его требовала перемен. «Пора мне избрать другого рода жизнь, пора избрать и достать занятия более постоянные и более успокоительные. Неужели же я дол-

жен всю свою жизнь провести в чужих для меня домах?»⁶⁰ — с отчаянием вопрошал он Бартенева в письме от 10 марта 1865 г. Вскоре Жинзифов получил приглашение А.А. Хованского, преподавателя русского языка и русской словесности в Воронежском кадетском корпусе и издателя замечательного частного научного журнала «Филологические записки», стать сотрудником «Славянского вестника»: этот раздел был открыт в 1866 г. и в нем печатались исследования по актуальным проблемам славистики. У Жинзифова, который заинтересовался предложением Хованского, вдруг появилась идея уехать в Воронеж, и он спрашивал Бартенева (в письме от 10 июня 1865 г.), нет ли в этом городе классической гимназии и можно ли ему попасть в нее⁶¹.

Надо сказать, что славянские комитеты (в Москве, Петербурге, Одессе) пытались не допускать того, чтобы болгарские воспитанники оставались в России после завершения обучения. В 1868 г. Московским комитетом даже было принято специальное решение, ставившее «непременным условием возвращаться на родину по окончании обучения в России для занятия мест народных учителей»⁶². Большинство учащихся отправлялись в свое отечество, исключения были редки, и к ним принадлежит Р. Жинзифов.

Он нашел место преподавателя греческого языка в Лазаревском институте восточных языков, одновременно работая учителем греческого языка в 1-й и 2-й московских гимназиях, «и получал очень хорошее жалованье», сообщал его приятель Нешо Бончев, вошедший в историю болгарской литературы как первый болгарский литературный критик. В 1870-е годы Жинзифов учительствовал в Лицее цесаревича Николая, в 5-й московской гимназии (1875 г.). В этом же году он получил чин коллежского асессора (VIII класс)⁶³, который соответствовал чину майора и давал право на личное дворянство. Материальное положение Жинзифова со временем настолько упрочилось, что в феврале 1868 г. он смог стать членом Московского славянского комитета, куда следовало платить взносы (5 руб. в год)⁶⁴, а также не отказался от приглашения быть членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии⁶⁵, где также существовали членские взносы.

Жинзифов не просто числился в Славянском комитете, он принимал в его работе самое активное участие. Хорошо зная нужды болгарских студентов, через Славянский комитет он содействовал оказанию финансовой помощи особо нуждавшимся в ней, например, стипендиатам министерства народного просвещения К. Везенкову из Крушево и Ташеву, который в тот момент находился в больнице (ноябрь 1868 г.). Для открытия болгарского училища в г. Крушево Славянский комитет пожертвовал 70 руб. Но Жинзифов, зная ситуацию в Македонии, считал, что этой суммы недостаточно, и просил секретаря Славянского комитета Н.А. Попова (27 декабря 1868 г.) выдать Шумкову* еще 50 руб. сер., обязуясь внести данную сумму в казну Комитета в течение пяти месяцев. Ходатайствовал Жинзифов (28 декабря 1869 г.) и о выдаче ежемесячного денежного пособия в 5 руб. иеродиаконам Игнатию и Харалампию из болгарского Рильского монастыря, обучавшимся в Московской духовной семинарии, а также Павлу Христовичу Высковскому, приехавшему, согласно документам, в Москву, чтобы изучать фотографическое искусство⁶⁶.

Близко общаясь с членами Славянского комитета, видными славянофилами, Жинзифов не мог не разделять их взглядов. Вполне понятно, что такие яркие, талантливые, к тому же искренне болевшие душой за славянское дело люди как И.С. Аксаков, Н.А. Попов и др. оказали огромное влияние на молодого человека, приехавшего из глухого угла Османской империи, каковым в то время был Румелийский или Битольский эйялет. Их активная позиция на поприще просвещения славянских народов, в том числе болгар, была созвучна мыслям, чувствам и последующей деятельности Жинзифова на этой стезе. К сожалению, болгарская историография, следуя установкам марксистской методологии, «порицала» его за славянофильство и за отсутствие революционных порывов и настроений. Но не все же могут сражаться на баррикадах! В настоящее время в литературоведении поставлен вопрос о необходимости применить

* Возможно, речь идет или о Р. Шумкове, купце и общественном деятеле, родом из Крушева, или о И. Шумкове, управляющем греческим училищем, который открыл в Крушево первое болгарское училище.

иные подходы к изучению таких проблем как «Жинзифов и славянофилы», идеология Жинзифова, его творчество и т.п.⁶⁷.

Жинзифов много печатался в русской периодике, информируя русского читателя о событиях, имевших место у западных и южных славян. Он вел разделы «Славянское обозрение» в «Славянском отделе» газеты «День» и «Славянская хроника» в газете «Современная летопись», его статьи публиковались в газетах «Москва» (где он был постоянным сотрудником⁶⁸), «Москвич», «Московские ведомости», «Православное обозрение», в журнале «Русский архив». Свои статьи Жинзифов часто оставлял без подписи или скрывался под псевдонимами: Велешанин, Велесов, под инициалами: К.С., Ж., Х. и ZZZ. Несколько поколений ученых занимались выявлением публицистических работ Жинзифова в русской прессе, среди них — В. Руменов, П. Орешков, С.А. Никитин, Н.Н. Пономарева, Д. Леков, Цв. Унжиева и др. Благодаря их усилиям научный мир имеет в своем распоряжении два тома публицистики Жинзифова.

Много и плодотворно Жинзифов работал во имя просвещения болгарского народа. Он писал Бартеневу 26 июня 1864 г.: «Первым и непременно долгим моим будет — издавать свои или чужие книги, словом, помочь, чем только могу, зародышу нашей “книжницы”, отсутствие которой меня с ума сводит»⁶⁹. Его перу принадлежат переводы на болгарский язык «Слова о полку Игореве», «Краледворской рукописи», стихотворений Т.Г. Шевченко, М.Ю. Лермонтова и других русских поэтов, а также несколько оригинальных произведений, например, поэма «Кровавая рубашка». Свои поэтические произведения на болгарском языке Жинзифов посылал в болгарские периодические издания: «Българска пчела» (Браилов, 1863—1864 гг.), «Дунавска зора» (Браилов, 1867—1870 гг., 1877 гг.), «Народност» (Бухарест, 1867—1869 гг.), «Македония» (Константинополь, 1866—1872 гг.), «Свобода» (Бухарест, 1869—1872 гг.), «Век» (Константинополь, 1874—1876 гг.), «Време» (Константинополь, 1865—1867 гг.), «Български книжици» (Константинополь, 1858—1862 гг.), «Читалище» (Константинополь, 1870—1875 гг.) и др. Жинзифов стал первым историком болгарской литературы, написав для сборника «Поэзия славян» специальную ста-

тью, где было прослежено развитие болгарской словесности, начиная с Паисия Хилендарского и до 1871 г., когда вышел в свет этот сборник (издатель — русский поэт, переводчик, библиограф Н.В. Гербель).

Литературное творчество Жинзифова принадлежит в равной степени и Болгарии, и Македонии. До 1878 г. земли этих государств входили в состав Османской империи, а в ее православном миллете, в котором объединялись все православные народы Турции, шло интенсивное размежевание на греков, эллинофилов, приверженцев Константинопольской патриархии, и славян — болгар, которые отстаивали право на собственную независимую от Вселенского патриарха церковь. После 1870 г., когда султанский фирман объявил о создании Болгарского экзархата, в провинциях со смешанным населением (прежде всего в Македонии), где должен был пройти истилям (опрос), с новой силой развернулась борьба за паству: к какой церкви она перейдет. В своих сочинениях Жинзифов отразил перипетии церковной распри между греками и болгарам, при этом он защищал интересы славян, которые проживали на территории современных государств Болгарии и Македонии и которых он называл болгарам. Кроме того, для него важно было доказать всему миру, что на земле, где он родился, в Македонии, жили не греки, а славяне, болгары (болгаро-македонцы). В его время не было отдельного славянского народа — македонцы, это уже история, до которой он не дожил.

В Москве ярко проявился и ораторский талант Жинзифова. Современникам запомнились его проникновенные слова о болгарском купце И.Н. Денкоглу, которые были произнесены им в январе 1861 г. на похоронах этого болгарского благотворителя. В 1867 г., на одном из собраний во время Всероссийской Этнографической выставки и Славянского съезда, Жинзифов говорил от имени своего многострадального народа «с таким энтузиазмом, с таким горячим патриотическим чувством, что неоднократно слушатели прерывали его то продолжительными рукоплесканиями, то громкими продолжительными возгласами»⁷⁰. А говорил Жинзифов о славянских святых Кирилле и Мефодии, о тяжелой участи болгар и просил русский народ по-

дать руку помощи страждующим братьям, когда наступит пора, а пора эта, он свято в это верил, уже недалеко⁷¹. 3 мая 1870 г., на торжественном заседании, устроенном Славянским комитетом в университете и посвященном 1000-летию юбилею принятия христианства болгарскими, Жинзифов прочитал доклад, в котором изложил судьбу болгарской церкви. Его выступление произвело хорошее впечатление на многочисленных слушателей. «Но всё-таки здешние православные сердца не могут примириться с мыслью, что султан создал церковь (т.е. издал фирман об учреждении Болгарского экзархата. — *М. Ф.*)»⁷², — закончил Жинзифов свой рассказ об этом событии в письме к М. Дринову от 14 (26) мая 1870 г.

Несмотря на то, что Жинзифов довольно прилично устроился в Москве, на него периодически нападало настроение переменить место жительства, вернуться в Болгарию. В своих письмах к Дринову он даже указывал даты своего отъезда, но неожиданно возникали разные обстоятельства, которые мешали ему исполнить намеченное⁷³. После возвращения из Османской империи в 1866 г., когда он посетил Константинополь, Битолю и другие города Македонии, на вопрос болгар, находившихся в Москве, «почему не задержался подольше в Болгарии», отвечал: «Я с тамошней жизнью не мирюсь, вы находите, что в Турции хорошо, то езжайте!»⁷⁴. Тем не менее, и после 1866 г. он не раз восклицал: «Неужели я стану вечным московским жителем? Увы!»⁷⁵.

Жинзифов мечтал накопить денег для вояжа по Европе. В 1870 г. он отправился в продолжительное путешествие, во время которого посетил Одессу, Галац, Браилов (Брэила), Гюргево, Бухарест (в связи с работой Болгарского литературно-научного общества, созданного в 1869 г. в Браилове). Но из всех поездок он неизменно возвращался в Москву. Жинзифов так и не обзавелся семьей, как, например, его приятель Константин Станишев, родом из Кукуша, который женился на дочери известного ученого В.И. Даля. Периодически (особенно по праздникам) Жинзифов кутил⁷⁶. Не эта ли склонность к богемной жизни⁷⁷, как аккуратно выразился болгарский ученый Ил. Конев, стали причиной того, что к 1876 г. материальное

положение Жинзифова значительно ухудшилось (его доходы сократились почти наполовину)⁷⁸.

Накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по просьбе И.С. Аксакова Жинзифов начал составлять «“Дорожник по Македонии”», или иначе географическо-статистическое описание Македонии», о чем он сообщил в письме к М. Дринову от 7 декабря 1876 г. Кроме того, Славянский комитет (в том числе, князь В.А. Черкасский (1824–1878), один из активнейших его членов, а во время войны — императорский комиссар, начальник «Первой канцелярии гражданского управления освобожденными задунайскими землями») обратился к Жинзифову, чтобы он составил небольшой русско-болгарский словарь. Понятно, что Жинзифов не мог отказать, но сомневался в успехе: «Времени мало, и оно не терпит». Ему нужен был помощник, и он намеревался написать Петко Каравелову, полагая составить краткий русско-болгарский разговорник⁷⁹. Но работа не была завершена: Райко (Ксенофонт) Иванов Жинзифов умер в свой день рождения 15 февраля 1877 г. в возрасте 38 лет.

В упоминавшемся выше послании к М. Дринову от 7 декабря 1876 г. Жинзифов написал удивительные слова о Москве, которую стал называть не иначе как «матушка-Москва»: «Еще тебе скажу, брат Марин, что в Москве родилось много начинаний, проектов, приготовлений относительно будущей судьбы болгар, но что будет, один Бог знает»⁸⁰.

Именно Москва и особая атмосфера Московского университета, подвигающая его питомцев на творчество, дали талантливому болгарскому юноше импульс к созидательному вдохновению. Здесь посетила его Муза, в нем раскрылся талант поэта, переводчика, журналиста. Его произведения на болгарском языке, адресованные болгарскому читателю, внесли свой вклад в развитие болгарского Возрождения и просвещения. Живя в Москве, он выполнил и другую, весьма важную миссию, стоявшую перед патриотами-болгарами: создание в русском обществе образа угнетенного, страдающего болгарского народа, ждущего помощи от России — как в решении церковного вопроса, так и в освобождении от турецкого ига.

Примечания

- ¹ Минкова Л. Осип Максимович Бодянски и Българското възраждане. София, 1978. С. 107.
- ² Билунов Б.Н., Вяземская О.К. Первые болгарские воспитанники Московского университета // Билунов Б.Н. Болгария и Россия. Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996. С. 179–191.
- ³ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 118, 448, 471.
- ⁴ Степанова Л.И. Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции (50–70-е годы XIX в.). Кишинев, 1981. С. 159; Генчев Н. Българската култура XV–XIX в. София, 1988. С. 203.
- ⁵ И. Доровски, филолог из Брно, член Македонской академии наук и искусства, сообщает, что отец Р. Жинзифова был по происхождению валах (ароманец) из Москополе, а мать была македонкой, но помимо родного диалекта хорошо владела греческим языком. Отец был врачом и учителем греческого языка, был одним из самых образованных людей того края (См.: Доровский И. Райко Жинзифов: воздействие русской и украинской литературы на его творчество. Univerzita J.E. Purkupě v Brně, 1988. Р. 11). На наш взгляд, необходимы новые кропотливые исследования для того, чтобы точно выяснить происхождение Р. Жинзифова. Из донесений русских консулов из Битола известно, что в конце 1865 г. в центральном греческом училище Битола была открыта «кафедра болгарского языка». Учителем был назначен И. Жинзифов, но уже через семь месяцев болгары города решили нанять еще одного, более сведущего учителя, чем Жинзифов. Они пригласили Георгия Икономова. О врачебной практике Жинзифова в консульских донесениях ничего не пишется. (См.: Косев Д. Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1978. С. 165, 169–170).
- ⁶ Конев Ил. Райко Жинзифов // Известия на Института за българската литература. Кн. VII. София, 1958. С. 153.
- ⁷ Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартевев // Известия на Института за литература. Кн. XVI. София, 1965. С. 175.
- ⁸ Жинзифов Р. Публицистика. Т. 2. София, 1964. С. 218.
- ⁹ Конев Ил. Приложение. Неопубликовани писма на Р. Жинзифов // Известия на Института за българската литература. Кн. VII. 1958. С. 197.
- ¹⁰ Жинзифов Р. Публицистика. Т. 2. С. 218.
- ¹¹ Архив на Г.С. Раковски. Т. 2. София, 1957. С. 410.
- ¹² Подробнее см.: Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 40–45.
- ¹³ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1888. С. 58.
- ¹⁴ Там же. С. 81–82 (письмо от 1 апреля 1863 г.).
- ¹⁵ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 220.
- ¹⁶ Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартевев. С. 175.
- ¹⁷ Конев Ил. Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 198.
- ¹⁸ Рудаков В.Е. 50-летие учено-литературной деятельности П.И. Бартевев // Исторический вестник. 1902. Т. 87. № 1. С. 320.
- ¹⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 445. Д. 280. Л. 82 и об.

- ²⁰ *Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 163, 164.*
- ²¹ Там же. С. 164.
- ²² *Бартенев П.И. Несколько слов о Чертковской библиотеке // Русский архив. 1864. № 1. С. 12.*
- ²³ *Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 168, 171.*
- ²⁴ Там же. С. 168.
- ²⁵ Там же. С. 175, 174.
- ²⁶ Там же. С. 166, 171.
- ²⁷ Там же. С. 174.
- ²⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 1. Д. 558. Л. 169.
- ²⁹ См.: *Фролова М.М. Болгарские книги в собрании А.Д. Черткова: к 150-летию Чертковской библиотеки // Славяноведение. 2013. № 6. С. 62–70.*
- ³⁰ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 5. Л. 141. 6 декабря 1858 г.
- ³¹ *Жинзифов Р. Новобългарска сбирка. М., 1863.*
- ³² См.: *Билунов Б.Н. К истории «Болгарской дружины» — организации болгарских студентов в Московском университете // Билунов Б.Н. Болгария и Россия. С. 191–205.*
- ³³ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 557. Л. 184, 438, 468.
- ³⁴ *Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 174.*
- ³⁵ Там же. С. 179, 188.
- ³⁶ Там же. С. 179.
- ³⁷ *Конеv Ил. Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 200.*
- ³⁸ *Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 187.*
- ³⁹ Там же. С. 179.
- ⁴⁰ *Доровский И. Райко Жинзифов: воздействие русской и украинской литературы на его творчество. С. 26.*
- ⁴¹ *Ерихонов Л.С. Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 175.*
- ⁴² Там же. С. 169, 185.
- ⁴³ Там же. С. 190.
- ⁴⁴ *Конеv Ил. Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 210.*
- ⁴⁵ В 1938 г. по Постановлению Совнаркома РСФСР была организована Государственная публичная историческая библиотека, куда, в числе других собраний, частично поступила и Чертковская библиотека. Сотрудник ГПИБР Н.М. Пашаева (1926–2013) выявила «славянские» книги периода национального возрождения из более чем трехмиллионного фонда ГПИБР. См.: *Пашаева Н.М. Славянская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в.–1878 г.) в фондах ГПИБ России. Болгария, Галичина, Закарпатье, Буковина, лужицкие сербы, Словения, Хорватия. М., 2012. С. 16.*
- ⁴⁶ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 66.
- ⁴⁷ *Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 78.*
- ⁴⁸ *Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997. С. 55–56.*
- ⁴⁹ *Минкова Л. Осип Максимович Бодянски... С. 167–168.*
- ⁵⁰ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 373.

- 51 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. София, 1990. С. 62.
- 52 *Пенев Б.* История на новата българска литература. Т. 3. София, 1977. С. 476.
- 53 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. С. 62.
- 54 *Ерихонов Л.С. Р.* Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 175.
- 55 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. С. 207.
- 56 *Конев Ил.* Райко Жинзифов. С. 171–172.
- 57 *Леков Д.* Райко Жинзифов. Литературно-критически очерк. София, 1979. С. 25.
- 58 Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Ф. 325. Оп. 1. Д. 370. Л. 1.
- 59 *Конев Ил.* Райко Жинзифов. С. 171; *Леков Д.* Райко Жинзифов. С. 25; *Смольянинова М.Г.* Райко Жинзифов в России // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 109.
- 60 *Ерихонов Л.С. Р.* Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 188.
- 61 Там же. С. 189.
- 62 Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские комитеты... С. 104.
- 63 *Пенев Б.* Указ. соч. С. 476.
- 64 *Конев Ил.* Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 220.
- 65 Там же. С. 206, 207.
- 66 Там же. С. 209, 215, 223.
- 67 *Бершадская М.Л.* Райко Жинзифов и славянофилы // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. М., 1999. С. 231.
- 68 *Конев Ил.* Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 204.
- 69 *Ерихонов Л.С. Р.* Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 186.
- 70 *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 2. С. 296.
- 71 Там же. С. 201–202.
- 72 *Конев Ил.* Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 216.
- 73 *Конев Ил.* Райко Жинзифов. С. 170–171.
- 74 Там же. С. 171.
- 75 *Конев Ил.* Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 213.
- 76 Там же. С. 225, 226.
- 77 *Конев Ил.* Райко Жинзифов. С. 162.
- 78 *Конев Ил.* Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 228.
- 79 Там же. С. 229.
- 80 Там же. С. 230.